

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Об Индивидуализме (Две статьи из Дело Труда)

Мария Исидоровна Гольдсмит (М. Корн) &
Макс Неттлау

Мария Исидоровна Гольдсмит (М. Корн) & Макс Неттлау
Об Индивидуализме (Две статьи из Дело Труда)
Статья первая - Декабрь 1926. Статья вторая -
Январь-февраль 1927. (оригинал - 29 декабря 1926)

Дело труда №19, №20-21

ru.anarchistlibraries.net

Статья первая - Декабрь 1926. Статья вторая
- Январь-февраль 1927. (оригинал - 29
декабря 1926)

с августа 1904 года, но прерванной после второй статьи, русской революцией 1905 года) – все это уже в 1902 году жило в уме Кропоткина, и он воспользовался случаем, как бы для пробы так сказать, высказать эти мысли в письме. Потому то он и переходит в этом своем письме так легко от моих замечаний к свои собственным любимым мыслям того времени; я же послужил ему как бы мишенью. Я это всегда знал; я увидел это, как только открыл его письмо, и никогда не был обижен на это. Но мне хочется, чтобы теперешние читатели не заблуждались относительно моих взглядов того времени, которые остаются моими и теперь. Поэтому то я и позволил себе эту небольшую поправку».

Оглавление

Из переписки П.А. Кропоткина (Об индивидуализме)	5
По поводу Писем П. А. Кропоткина об Индивидуализме	14

между собой индивидуализм, (т. е. оставленная за собою личная свобода) и коммунизм (т. е. добровольный отказ от своей свободы в пользу совместного сотрудничества и солидарности, как предпочтительных *в данном частном случае*). Один предпочтет дозу в 0,99 первого и 0,01 второго; другой — в 0,01 первого и 0,99 второго, а затем будут еще бесконечные градации между этими крайностями, и люди будут объединяться между собой соответственно своим вкусам в этом отношении.

На это Кропоткин ни в своем письме, ни в разговорах, которые были у меня с ним до и после, не отвечал ничего. Как только заговаривали об индивидуализме, он выходил из себя и напускался на Ницше, на некоторых французских литераторов с буржуазной душой, на некоторых анархистов из числа «иллегаллистов»¹³, или на бессердечных такеристов; тогда он говорил именно так, как в своем письме 1902 года, или еще с большей горячностью. И он строил свой *individualismus kommunisticus* (коммунистический индивидуализм), который для него, был единственным. имеющим цену, а по моему скромному разумению, представляет собой только *личный* индивидуализм Кропоткина, наиболее подходящий к его собственной личности и в силу этого специального характера своего, крайне редкий, если не единственный в своем роде. Пятьдесят других оттенков имеют такое же право на существование, как и его, как бы прекрасен последний не был.

Вот что я хотел бы установить, не разбирая вопроса по существу. Та подготовительная умственная работа, те мысли, которые выражены были впоследствии в *Этике* (начавшей печататься статьями в «Nineteenth Century»,

¹³ «Иллегализмом» называется среди французских анархистов люди, систематически проповедующие пользование незаконными средствами (особенно – экспроприациями).

в то время стольких товарищей. И я говорил Кропоткину о растущем зле, которое представляет собой отделение анархизма от живых умственных и нравственных задач нашей эпохи и его отождествление, полное или почти полное с революционным «увриеризмом»¹². Я говорил, вероятно, что, вполне признавая громадную ценность синдикализма, я считаю, что он никогда не может быть для нас *всем*, и что мы должны снова вернуться к задачам, интересующим лучшие умы нашего времени. Я говорил, вероятно, что то, что отталкиваем многие свободные умы от коммунистическою анархизма (и во сто раз больше еще от революционного синдикализма), это — презрение, выражаемое им, Кропоткиным, и другими по отношению к индивидуализму; им кажется, что если они опровергнут надутую ученость Б. Р. Таккера, аристократизм Ницше, грубый эгоизм некоторых других, и т. д., они уничтожат или опровергнут индивидуализм. Я говорил, что вся эта легкая полемика никогда не заглушит естественной потребности людей иметь, прежде чем броситься в социализм (будь он даже самым анархическим коммунизмом), известные гарантии своей индивидуальной, свободы, как производителей, как потребителей, как личностей. Они могут добровольно отказаться временно от пользовании этой свободой, тогда когда они находятся в дружеской, альтруистической среде подобно тому, как самый серьезный человек может, у себя в семье, позволить детям дергать себя за породу или ездить на себе верхом; но они всегда захотят оставить за собой право делать это, или не делать. Может быть, я говорил (как я думаю уже давно), что каждый захочет и будет иметь право — быть самому судьей той дозы, той пропорции, в которой должны быть смешаны

¹² «Увриеризм» — французский термин, означающий одностороннее увлечение интересами одних только рабочих.

Из переписки П.А. Кропоткина (Об индивидуализме)

Журнал «Каторга и ссылка»¹ печатает переписку П. А. Кропоткина с В. Н. Черкезовым, не очень богатую численно (всего 18 писем), но интересную по содержанию. Помимо того, что в этой переписке отражается определенная эпоха русского анархического движения (начиная с 1900 года и кончая временем войны), некоторые письма Кропоткина являются ценными и для современности, так как касаются вопросов, которые ставятся теперь и может быть еще долго будут ставиться в человеческом обществе. Таков существеннейший вопрос об отношении между личностью и обществом, об индивидуализме и коммунизме. И может быть в наше время он стал даже более жгучим, чем раньше: в вопросах общественного строительства, благодаря направлению, принятому русской революцией, права и роль личности теперь сильно недооцениваются, даже больше того: презираются; воля и интересы коллективности считаются единственно достойными внимания. С другой стороны, личность неизбежно противится этому, стремится инстинктивно отстоять свою волю, а так как общественный строй ее не воспитывает, а только давит, не давая никакого разумного выхода ее стремлениям, то эти стремления принимают уродливый характер и делают из человека, вместо нормального члена общества, какое-то противообщественное существо, с крайне низко стоящей психикой. При таких условиях, вопрос о том, что такое индивидуализм, в теории и на практике, и какое направление должно принять нормальное развитие личности, получает существенное значение.

Вот относящееся сюда письмо П. А. Кропоткина от 4 окт. 1902 года:

«Родной мой!

¹ Изд. *Общества политкаторжан, том XXV (1926).*

Мы получили от товарища Макса Неттлау следующее письмо:

«В своих комментариях к письму П. Кропоткина к Черкезову от 4 окт. 1902 года («Дело Труда», № 19), тов. М. Корн говорит о письме, адресованном Кропоткиным мне в первые месяцы 1902 года (перевод этого письма напечатан в *Suplemento* к *La Protesta*), и резюмирует мысли, высказанные мной письменно Кропоткину «насколько можно судить из ответа Кропоткина, я, предполагает М. К., утверждал, что анархическое движение много потеряло, «оторвавшись от той, индивидуалистически настроенной интеллигенции, которая симпатизировала ему в 90-х годах, и занявшись, главным образом, пропагандой в рабочих союзах»... Т-щу Корн остались, вероятно, неизвестными мои примечания к письму, помещенному в *Suplemento*: несомненно, что если судить только по ответу Кропоткина мне, то можно вывести именно такое заключение. Но хотя у меня не сохранилось копии моего письма, я достаточно хорошо его помню и у меня есть достаточно других моих рукописей той же эпохи, чтобы утверждать, что такое понимание не соответствует действительному содержанию моего письма.

Никогда, ни в мыслях, ни в письмах я не защищал таких индивидуалистов, каких выводит и каких разбивает Кропоткин. Но с грустью видел постепенное сужение широких анархических идей в эти годы, начиная с 1895, и зарождение синдикализма – панацеи, который казался легким и доступным решением вопроса и гипнотизировал

По поводу Писем П. А. Кропоткина об Индивидуализме

Спасибо тебе большое за письмо. Ты прекрасно характеризуешь Ницше и безусловно прав.

Моя цель вот такая. Как я уже начал в письме к Неттлау, я хочу доказать, что все хлопотавшие об индивидуализме даже не понимали, что такое *могуче-развитой индивид*. «Белокурое животное» Ницше – ничто ни как, во-первых, именно животное, а, во-вторых, это, прежде всего, – раб: раб суеверия, раб религии (без религии он не имел бы своей власти), раб обычая, раб собственного бессилия: он гибнет, раз ему некого грабить.

И хочу доказать, что Ницше тот же филистер в туфлях, который говорит *ужасные* слова, как немцы-революционеры 1848 года, а сам – первый филистер. Все «индивидуалисты» таковы.

На это Де-Роберти² говорит: «Неправда; у Ницше уже намечается *l'individu social*». Возможно. Он, конечно, был очень умен и видел кое-что. Но *individu social* был для него новинка, а *анархического коммунизма* он не знал, так что общественный, высоко-развитый нигилист-индивидуалист как Лопухов или Кирсанов³, для него не существовал.

Вот, чтобы иметь право это сказать, мне нужно прочесть его *Заратустру и Вне добра*.

А его «пересмотр ценностей» – не более, как удачное выражение для того, что несравненно поэтичнее и сильнее пробивалось в Шелли⁴,

² Русский философ-позитивист.

³ Герои известного романа Чернышевского «Что делать?».

⁴ Английский поэт начала 19 века.

просилось наружу в Лермонтовском Демоне, вылилось в вызове Базарова. «Найдите хоть одно учреждение, не заслуживающее безусловно-го отрицания», и, наконец, высказалось с наибольшей цельностью в нашем отрицании, анархическом, где вместо отрицательных инстинктов, догадок, чувств говоривших в Шелли, Лермонтове, Штирнере, Ницше, сложилось научно-конкретное отрицание капитала и государства, закона и наказания.

Я хочу развенчать идола, которому поклоняются и Форы [Себастьян Фор] и Неттлау, и Дотева, или, по крайней мере показать, как блестящ, силен Ницше в своей критике буржуазной нравственности, в особенности христианских добродетелей (*charite*) и как мизерен он, когда начинает рисовать могучего индивида. Так и рисуется мне добродушный немец у Герцена, требовавший истребления миллиона людей... китайцев... для торжества революции.

Мне хотелось бы показать тип действительно могучего индивида. Ему сам чёрт не брат: но работа раба ему не нужна, рабства он не выносит, оно ему органически *противно*, как русскому нигилисту; даже простое *неравенство* ему неприятно, а потому ему претит и женщина покорная, *qui cherche a plaire a monsieur*⁵ (*savoir plaire* – была главная наука в институтах), и товарищ, холопствующий перед «наукой», хотя бы и самого Карла Федоровича [Маркса]; ему тошно видеть и *dock labourer*⁶ а⁶, несущего тяжести,

⁵ Которая старается нравиться мужу.

⁶ Грузчик в доках.

стvenному делу. И стоит только каждому из нас вспомнить примеры наивысшего духовного уровня, до которого может достигнуть человек, чтоб увидеть, что их нужно искать не среди тех, кто занимается культивированием своей личности (эстетов, индивидуалистических философов или монахов), а среди тех, наоборот, кто больше всего умеет жить жизнью других. Сделаться действительно высокой личностью можно, очевидно, только при условии, – не ставить себе заранее этой цели.

Последний труд Кропоткина, «Этика», должен был, в своей теоретической части, быть посвящен разработке этого вопроса об истинно-развитой личности; к несчастью, эта наиболее оригинальная часть труда осталась в неразработанном виде.

Настоящий индивидуализм не в этом: он – в том, что «личность достигает наивысшего развития, применяя на практике, в вопросах насущных потребностей и вообще в отношениях с другими людьми, наивысшую коммунистическую общительность. – Буржуа всегда говорил, что для развития собственной личности ему нужны рабы, что для него необходимо приносить в жертву других (никогда не себя); в результате получилось то понижение личности, которое мы находим в современном буржуазном обществе. И это индивидуализм?». В противоположность таким людям, которые хотят возвышаться, строя это возвышение на чужом угнетении и этим только унижают себя, Кропоткин напоминает о существовании совершенно иного сорта людей. «В русской общинной жизни я знал тип в высшей степени «мирского человека», который, вместе с тем, был и личностью, порвавшей со всеми предрассудками своей деревни и идущей самостоятельно, по своему пути». Между мелким ничтожным индивидуализмом некоторых теоретиков и настоящим развитием личности нет ничего общего: индивидуализм первых – ложен, потому что бьет мимо цели. «Его голос тем более звучит фальшиво, пишет Кропоткин, что рядом с ним были люди, которые в то же самое время сознательно шли на эшафот за общее дело, действительно проявив индивидуальность. И только смешением, царящим в понятии об индивидуализме, можно объяснить, что те, другие, называющие себя индивидуалистами, считают себя принадлежащими к тому же умственному и политическому лагерю, что и эти самоотверженные люди. А между тем, «индивидуалисты» в буржуазном смысле также мало имеют право считать их своими, как и христиане».

Этих нескольких выдержек достаточно. Они ясно показывают, на каком пути ожидал Кропоткин высшего развития человеческой личности: на пути ее служения обще-

и *minem'a*⁷, потерявшего образ человеческий и т. д. и т. д. Вот это индивид. А разве Рокфеллер и Кит Китыч⁸, пасующие перед первым Лопуховым, индивиды? *Высоко развитым индивидом, нельзя стать вне коммунистической жизни. Подобно тому, как отшельник не может стать высоконравственным, так точно и индивидуалист не может стать высоко развитой индивидуальностью. Индивидуальность развивается только в столкновении со множеством людей, окунаясь в жизнь всех, близких и мировую, – чувствуя, борясь работая.*

Ницше и все другие говорили: Общество – личность. И в их борьбе видят драму истории. Я же ставлю:

⁹Личность глупая, старающаяся насесть на общество, видящая в народной нужде средство владычествовать: проповедует *неравенство*.

Личность умная, старающаяся освободить общество и себя и от *власти*, и от *нужды*, проповедует *равенство*, бунт против венного неравенства: анархист- коммунист.

Много зла нам наделало смешение этих двух сортов личностей: Карлейль, например, называющий Александра Македонского *героем* (и Ницше за ним), тогда как Александр Македонский был героем для тех только, *кто хотел примазаться к созданной им власти*. Для Диогена же

⁷ Уклекоп.

⁸ Кит Китыч – тип русского купца-самодура у Островского.

⁹ Тут слова, написанное на боку «Общество», относящееся в этому и следующему абзацу.

Александр был просто *раб*: раб комедии, которую играл, желая казаться глупцам полубогом.

Ну довольно.

Итак, значит до среды. Твой Петр»

Это письмо настолько интересно что мы привели его целиком. В другом письме, говоря о своем намерении заняться теорией нравственности и вопросом об индивидуализме, Кропоткин пишет между прочим:

«Я говорил Неттлау, что то, что анархисты-индивидуалисты зовут индивидуализмом, – вовсе не индивидуализм. По крайней мере – не умный индивидуализм. Он не обеспечивает широты развития индивидуализму. И указывая на высший индивидуализм, называя его в шутку *individualismus communisticus*¹⁰, – высшее развитие индивидуализма, возможно в коммунистической среде».

Письмо к Неттлау, о котором упоминает Кропоткин, было написано в ответ на заметку – изложение целой рукописи – которую Неттлау дал прочитать Кропоткину зимой 1901-1902 года; центральная мысль этой заметки (насколько можно судить по ответу) была, что анархическое движение много потеряло, оторвавшись от той индивидуалистически-настроенной интеллигенции, которая симпатизировала ему в 1890-х годах, и занявшись, главным образом, пропагандой в рабочих союзах (это было время начала синдикализма). В своем ответе Кропоткин затрагивает множество вопросов: о подготовке революции, о психологии рабочего и буржуа, о терроре

¹⁰ Коммунистический индивидуализм.

и подготовительной пропагандистской работе и т. д., но главной темой письма является индивидуализм – ложный и истинный¹¹ «Индивидуализм узко эгоистический..., пишет Кропоткин,...не может вдохновить никого. В нем нет ничего великого, увлекающего... То, что до сих пор изображали как индивидуализм, – ничтожно, мелко, пошло и – заключая в себе отрицание своей цели, обеднение личности или, во всяком случае, отрицание того, что необходимо для полного расцвета индивидуальности». И Кропоткин рисует, как жалка жизнь какого-нибудь живущего в свое удовольствие монарха, который, в сущности, не свободный человек, а раб окружающей среды и традиции. И дальше мелких, эгоистических наслаждений проповедники индивидуализма не идут в своей защите могучей личности.

До сих пор, говорит Кропоткин, против этих индивидуалистов выступали только христианские проповедники, призывавшие к уничтожению личности. А потому ответ им было легко найти. «Точно также, когда *эгоисту* противопоставляют *альтруиста*, то первому нетрудно доказать, что и альтруист руководствуется эгоизмом; между тем, *глупому* эгоисту, неспособному понять свою собственную выгоду, похожему на того Зулусского короля, который для «утверждения собственной личности», считал нужным съесть по 1/4 быка в день, нужно противопоставить, как это делал Чернышевский, «совершенного эгоиста», Писаревского «мыслящего реалиста», который бесконечно способнее на общественное благо, чем самый больший альтруист, христианин или кантианец, хотя и говорит, и знает, что руководствуется ничем иным, как эгоизмом».

¹¹ Это письмо Кропоткина было напечатано с приложением Неттлау в аргентинской анархической газете «La Protesta» и переведено в аргентинском же «Голосе Труда». Но приведенные здесь цитаты – сделанный наново перевод с французского оригинала.